

Дебют

(О книге стихов А. Яшина)

К. |

Среди комсомольской молодежи Севера Александр Яшин, как поэт, пользуется некоторой популярностью. Свои стихи он начал печатать с 1929-30 года в газетах и в краевом литературном журнале „Звезда Севера“. В этом году вышел его первый небольшой сборник стихов „Песни Северу“. И отдельные стихи, и сборничек показывают, что как поэт, Яшин еще далеко не нашел себя, не сформировался. Чувствуется горячее метание из стороны в сторону: погоня за темой, за образом, за необычной словесной конструкцией. Местами ярко проступает скрещение различных стилевых систем. Но за всем этим есть н-е-ч-т-о, что позволяет говорить о своеобразии и некоторой независимости Яшина. Это нечто кроется в его мировосприятии.

Основное восприятие объективного мира у Яшина—это восприятие через труд. Вещи, явления познаются в трудовом процессе, в их трудовом освоении. Архангельск—это не былые июньские ночи, не сполохи в морозную январьскую ночь, не морские прибой и беспредельные снежные равнины—это грохот амбарного цеха на двенадцать рам, огни лесобирж, это ударники, пыльщики и стивидоры. Шторм в устье реки—это не красивая и грозная стихия,—это горячка работы, это трудовая героика славщиков. Осень, весна, зима лето воспринимаются в трудовых процессах, в лесу, на поле, на реке, на сплотке и т. д.

„У рыжей осени повадка наша:

Большевикам хозяйственность к лицу.

На желтых площадях колхозных пашен

Уборка хлеба подошла к концу“.

(Колхозная осень)

Или:

„Нетерпеливо ждали мы

(Шумели тополя)

Чтоб первые проталины

Проклюнулись в полях,

Чтоб солнечные сполохи

Согнали пухлый снег

Семян большие ворохи

Готовили к весне“.

(Выходим в поле)

Отсюда, от этого трудового восприятия, идет и характерный для Яшина утилитаризм:

„...Эти бы сосны

На этажи...

Это бы дерево

Эти леса
Нам бы размеривать
Нам тесать*

(Рапорт с просек).

Вот почему основной лейтмотив поэзии Яшина—это труд. Эта основная и замечательная черта мировосприятия Яшина резко отделяет его от поэтов дворянских и буржуазных с их пассивной созерцательностью, беспредметным любованием, эстетизмом. Мировосприятие Яшина—это мировосприятие активное, действительное.

Но поэзия не только в утилитарном труде. „Весь мир эмоций—любви, радости, страха, тоски, гнева и т. д. до бесконечности—весь мир хотений и страстей“, все богатство объективной реальной действительности—цвета, запахи, краски, звуки и т. д. все это должно найти свое отражение в слове, в художественном образе. Но именно всего этого и мало в поэзии Яшина. Она элементарна; в ней есть большая доза абстрактности, риторичности и это вполне естественно, так как все-же Яшин, по существу, является не активным участником трудовых процессов, а созерцателем чужого труда.

Вторая характерная черта в мировосприятии Яшина—это коллективизм. (Черта характерная почти для всей комсомольской поэзии). В противоположность буржуазным поэтам с их индивидуализмом и культом „Я“ у Яшина на первом плане стоит „МЫ“—коллектив.

„Вышли мы на просеку
у ручейка“

(„Рапорт с просек“)
(„Шумели тополя“)

„Нетерпеливо ждали мы

(„Выходим в поле“)
(„Наши девушки“)

„После недаром нас „Правда“ славил“

Но за этим „мы“ поэт не мыслит себя, от его имени он выступает. Это дает поэзии Яшина бодрость, жизнерадостность оптимизм. В основе своей она связана с победоносным шествием миллионов и отражает их творческие порывы, борьбу и строительство нового мира. Яшину органически чуждо трагическое одиночество потерявшей себя личности, безысходная тоска индивидуализма, пессимизм, бесперспективность. Он частица нашего класс-творца. Однако у Яшина слишком мало своего индивидуального. „Общее существует лишь в отдельном, через отдельное. Всякое отдельное есть (так или иначе) общее“. Яшин еще не стал тем отдельным, тем „я“, которое бы полностью отражало общее „мы“ в строго индивидуальном. Он еще расплывается в этом „мы“.

Это от того, что внутренний мир Яшина чрезвычайно беден и ограничен. Поэзия его чрезвычайно элементарна. Яшин играет на одной струне, тогда, когда нужно дать звучный аккорд, богатую музыку. Но для этого нужно развить свой интеллект, обогатить свой внутренний мир, обострить зрение, слух, обоняние,

чтобы сложнейшие построения человеческой мысли, глубочайшие психические переживания, причудливейшие звучания, тончайшие переливы цветов и красок, ароматы цветов и едкая гарь заводов—все это нашло свое отражение в художественных образах без мистики и фетишизации.

Несмотря на то, что Яшин имеет за плечами пять-шесть лет работы, говорить о каком-то творческом пути его еще рано. Может быть это зависит от неполноты материала, но видимо его больше и нет, по крайней мере готового. Об этом свидетельствует признание самого поэта: „Переписанных, переименованных сотни строф в пути сошли на нет“.

Очевидно, что это не только поэтическая метафора, но и с горечью осознанная истина. Таким образом приходится признать, что количественная продуктивность работы у Яшина не высокая. Что касается качественной стороны, то стихам Яшина присущи и достоинства и недостатки стихов многих наших начинающих поэтов. С одной стороны,—актуальные жизненные темы, выхваченные из самой гущи жизни, бодрое, жизнерадостное настроение, вера в будущее, а с другой—декларативность, лозунговая элементарность, в чрезвычайно малой степени осложненная поэтическим образом, абстрактная героика, схема.

„Молот пневматический по железу, бьет.

В армию вливается двенадцатый год.

Комсомольцы нормы на значек сдают—

„Бег на сотню метров“..

Тоже—МЮД.

По дорогам лязгают—„интеры“, „фордзоны“,

С поля убираются последние суслоны.

Хлебные обозы к городу идут,

Хлебные последние...

Вот он—МЮД“.

(МЮД комсомольская песня)

Анализируя идейно-тематический комплекс творчества Яшина мы должны отметить идейную бедность, узкий круг проблем а главное, неглубокую, поверхностную их трактовку. Возрождение Северного края, рождение нового человека, соревнование и ударничество—это быть первым в труде, „ЛКСМ“—вот круг идей и проблем поэзии Яшина. Но дело не только в том, какую проблему ставит автор, а и в том, как он ее ставит и как художественно разрешает специфическими средствами данной отрасли искусства. С этой стороны дело у Яшина стоит очень и очень неблагоприятно. В первом же стихотворении „Подход к теме“, где ставится проблема возрождения Северного края—эта проблема трактуется довольно примитивно, узко. Разработка темы идет по линии противопоставления эстетического, беспредметного любования экзотикой Севера и гигантскими стройками, бурным экономическим возрождением социалистического Севера, причем в характерном для Яшина восприятии через труд. Однако, выражено все это крайне сбивчиво. Чувствуется большая непродуманность, недоработанность. Общеизвестно, что неясно, сбив-

иво, запутанно выраженная мысль является результатом недостаточной продуманности этой мысли. Но в поэтическом выражении недостаточно продумать мысль и найти ей адекватное выражение. Нужно, чтобы эта мысль, чувство воплотились в яркий удожественный образ—нашли в нем свое адекватное отражение через него дошли до сознания читателя. Яшин от этого далек:

„Без слов о сполохах,
О морозах,
О неприступных торосах льда,
Архангельск вошел в нас
Строительный прозой.
Талантливой молодостью труда“.

Первые три строчки благополучны, но вторые три, выражающие новое восприятие Севера, сбивчивы и непонятны. Почему воспринимается поэтом только проза строительства, его будничность и обыденность. Разве в нашем строительстве нет поэзии? Само выражение „Архангельск вошел в нас,—неясно и безобразно. В кого это „нас“? Последняя строчка совершенная бессмыслица, ибо не дает не только никакого образного представления, но даже не включает никакого логического понятия. А вся строфа звучит риторически и декларативно.

Проблема рождения нового человека разработана Яшиным в стихотворении „О реконструкции людей“, пожалуй, лучшим во всем сборнике. Образ новой матери безусловно удался Яшину. Его мать—это не мать—наседка, ограниченная своим гнездом заботами о цыплятах-детях. Мелкие личные заботы сменились ней большими заботами о создании новой жизни, и в этой творческой работе она имеет свое место, несет свою долю ответственности. Создание этой ответственности за успех грандиозного дела, творческое участие в этом деле и наполняет ее ордостью, делает ее новым человеком.

Второе стихотворение, посвященное этой теме „Наши девушки“ показывает новое в психологии рабочих-сплавщиков. Сознание, что они сами хозяева этого леса, хозяева целой страны строящегося социализма бросает их на трудовые подвиги, на борьбу со стихией. Однако в этом стихотворении есть несоответствие между стилистическими формальными элементами и внутренним содержанием образа, о чем мы будем говорить позже. Комромол, молодежь, кроме стихотворений „Молодость революции“, МЮД“, Рапорт с просек“, непосредственно трактующих эту тему, вплетаются и во многие другие стихотворения. Молодость—то второй лейтмотив в творчестве Яшина, неразрывно связанный мотивом труда. Все же стихи, посвященные комсомолу придется признать самыми слабыми во всем сборнике. „МЮД“—это просто рифмованная передовица с провинциальной газеты. Совсем слабо и стихотворение „Молодость революции“. Яшину ее хватает огня, чтобы согреть все это лирической теплотой. Люди явления не волнуют его глубоко. Социально-общественное стало еще для него „переживанием“, содержанием лирической

конструкции. Он является здесь в сильной степени регистратором, бесстрастным описателем, или в лучшем случае, напыщенным декламатором. Такая декларативность является уже пройденным этапом в советской поэзии. Это только свежие образы той устарелой поэзии, о которой говорил на съезде тов. Бухарин в отношении творчества Д. Бедного, Безыменского и др.

В отношении художественных приемов творчества и словесного оформления образов нужно отметить следующее:

У Яшина чувствуется погоня за отягченным словом, за необыкновенным словосочетанием, за „красивостью“ в ущерб естественности и простоте. Часто не образ тянет за собой слово, а слово тянет образ. Это приводит к риторическому стиху, к отвлеченному образу, обнажает конструкцию стиха. Слово имеет самодовлеющее значение; за ним не стоит большой мысли. Такие выражения как: „Радость струилась лучистым накрапом“, „Талантливой молодостью труда“. „В сердце у меня кружатся цветные карусели розового, солнечного дня“, „Ненависть с кровью созрела в груди“, „Зашелестела бумаги гладь“ и т. д.—есть не что иное, как погоня за этой ударной „красивостью“. К сожалению, таких примеров можно набрать десятки, и это Яшину нужно изжить, упорно работая над словом, добиваясь наибольшей простоты и ясности словестной конструкции, не снижая образности.

Поэтическими средствами стиха Яшин пользуется неэкономно и неумело. Вот пример:

„Боялись, конечно,
Метались, конечно...
...Взмokли, конечно,
Прозябли, конечно“...

Здесь смысловый повтор служит плохую службу. Он выражает неразвитость речи, а вместе с тем и неразвитость мышления и безусловно снижает образ передовой ударницы. И вообще вся установка Яшина на „простецкий“ язык не соответствует образу. Давно уже пора перестать нашим сегодняшним ударникам навязывать язык случайных ораторов первых дней революции, эти однозвучные — „постольку-поскольку“, „безусловно“ и т. д.; пора знать настоящий язык наших ударников, суровый и точный, как механизм.

Неудачен также и, может быть, невольный получившийся звуковой повтор.

„Я забыл тебя бы в тот же вечер,
И в глазах потух бы нежный свет
Если б не оригинальность встречи“.

Получается какая-то сплошная барабанная дробь. И эта барабанная дробь должна отражать нежный свет в глазах и трепет первой юношеской любви. Такие звуковые сочетания уместны в марше, в батальной картине, но не в лирическом стихотворении. Несоответствие выразительных средств с внутренним содержанием явное.

Отбор материала, его организация и воплощение в образы часто буквально не даются Яшину. Здесь он идет по линии наименьшего сопротивления—по линии сравнений, не раскрывая самой сущности явления. Вот как изображает он экстаз зрительного зала, вызванный музыкой:

„Как в обсерватории замер зал,
Только чуть слышно гудит вентилятор
У публики откровенно слезятся глаза“...
Кто ее разжалобил?
Какой оратор?..

Удивительно, что Яшин очевидно, не чувствует пародийности выражения „У публики откровенно слезятся глаза“ и хочет сбить его за чистую монету.

А вот раскрытие содержания музыки:

„Тихо поворачивалась фашистская земля?
Над ложами полз скрип,
Как
Будто качались виселицы на полях.
Рыдала о расстрелянных скрипка...“

Это только доказывает, что скрипка (если только он ее слышал) произвела на Яшина сумбурное впечатление, в котором он, плохо понимая музыку, не смог разобраться. Вообще в стихах Яшина чувствуется большая недоработанность не только в отношении организации материала, построении образа, но и в подборе эпитетов и сравнений, в конструкции фразы, нередко даже элементарная языковая неграмотность.

„Высоко головы взметнув,
Ходили кони на приводе.
И мяли влажную траву
На пропотевшем огороде.
Солому мятую трясли
Граблями бойко убирая“.

Фраза в комментариях не нуждается.

Или:

„Бывало ветер колетса,
Но рано по утрам
В колхозе за околицей
Стучали триера.
Спешили мы неделями
Под крышей у берез“...

Здесь многое не на своем месте. Во-первых, никакого противопоставления между первым и вторым предложением нет: и противопоставительной союз „но“ абсолютно не к месту. Во вторых, колхозе за околицей—что это? Колхоз ли находился за околицей или за какой-то колхозной околицей стучали триера—неясно. И, наконец,—под крышей у берез—выходит, что березы росли где-то под крышей. Таких фраз, к сожалению, можно бы набрать немало. Приходится только удивляться: что же делал и куда смотрел редактор?

В заключение скажем: у Яшина есть данные стать поэтом, но ему нужно еще очень и очень много работать, чтобы исполнилось его желание:

И в колоннах
В первый праздник лета,
Что-б в моем лице, взойдя на вал,
Комсомольца—
Мало,—
И поэта
Секретарь горкома поздравлял*.